

С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ
(Санкт-Петербург)

Манихейский мотив в древнетюркской «Книге предзнаменований»

Рукопись *Īrq bitig* («Книга предзнаменований») является письменным памятником, издавна привлекавшим внимание многих исследователей. Действительно, эта книга наполнена разнообразным культурным содержанием, требующим адекватной научной интерпретации. До недавнего времени, однако, многие вопросы, относящиеся к содержанию и даже точной дате составления и источникам рукописи *Īrq bitig*, оставались непроясненными. Благодаря блестящему исследованию Дж.Р.Гамильтона теперь уже очевидно, что рукопись *Īrq bitig* была закончена 17 марта 930 г. в манихейском монастыре Великого Облака (*taugüntan manystan*, кит. *taujung t'ang*). Ее автор или составитель, который был младшим клириком (*kičig di(n)tar*), посвятил свой труд старшему брату, военачальнику Ит Ачуку [Hamilton, 1975].

Принимая во внимание место создания памятника, вероисповедание его автора и его социальное положение, казалось бы, можно было обнаружить в книге следы манихейства. Однако в ней пока не выявлено никаких следов манихейского влияния или очевидных параллелей с манихейской письменной традицией, за исключением некоторых описаний, правда самого общего плана [Gabain, 1964]. Тем не менее один фрагмент из рукописи *Īrq bitig* может оказаться в связи с этим интересным. Я имею в виду раздел XIX «Книги предзнаменований», в котором рассказывается о Белой Лошади. Вот текст этого фрагмента:

Aq (a)t q(a)rš(i)sin üč boluyta t(a)lulap(a)n (a)γ(i)nka ötügkä idmiš tir. Qorqma, (ä)dgüti ötüin; (a)yünma, (ä)dgüti y(a)lb(a)r tir. (A)nča bilij: (ä)dgü ol.

«Белый конь, избрав своего противника в трех состояниях бытия, принудил его к покаянию и молитве, говоря: „Не бойся! Молись»

© С.Г.Кляшторный, 2006

хорошенько! Не страшись! Умоляй хорошенько! Так знайте – это хорошо!“».

Может показаться, что данный отрывок вообще лишен смысла, и это даже побудило сэра Дж.Клосона заметить: «Раздел XIX совершенно неясен» [Clauson, 1961]. Более двадцати лет назад я предпринял попытку выяснить значение этого фрагмента, предложив новое чтение имени главного действующего лица. Вместо *aq at*, «Белый конь», я читал *aq ata* — «Белый отец», имея в виду манихейского священника, облаченного в белую одежду [Кляшторный, 1981]. Я предположил, что второе слово в имени было недостаточно четко написано или что мы имеем здесь дело с ошибкой переписчика, но это предположение было совершенно справедливо отвергнуто Петером Циме [P.Zime's review, 1984].

Таким образом, вопрос остался нерешенным: ни в тюркском фольклоре, в котором лошадь всего лишь спутник или помощник главного героя, ни в манихейской традиции лошадь не предстает в качестве мудрого духовного наставника или религиозного учителя. В связи с этим очень трудно предложить более или менее убедительную трактовку цитированного мною выше фрагмента в целом.

Буддийские заимствования в манихейской литературе, как кажется, могут несколько расширить круг возможных интерпретаций данного текста: история о юном принце Бодисаттве, опубликованная В.Бангом, является примером одного из таких заимствований непосредственно из буддийской традиции [Bang, 1931]. В этой истории повествуется о том, что юный принц покинул дворец и отправился странствовать по улицам города на своем белом коне по кличке Кантака (или Чандака, это имя также фигурирует в тексте). Впервые в жизни принц увидел такие вещи, как болезнь, старость и смерть. Он просит своего коня объяснить ему смысл этих вещей, и конь, выступая в роли духовного наставника и учителя, рассказывает принцу о пороках человеческой жизни и цикле бытия.

Мы обнаруживаем изображение странствий принца Бодисаттвы на его белом коне по имени Кантака на одной из стенных росписей манихейского храма в Кочо (рис. 1). Х.-И.Климкайт, предпринявший исследование этой сцены, убедительно доказал, что она относится к манихейской изобразительной традиции: почтительный жест (*vitarqa-mudrā*), который Бодисаттва делает левой рукой, полностью соответствует манихейскому ритуалу [Klimkeit, 1984].

Можно предположить, что буддийский образ принца Бодисаттвы, едущего верхом на белом коне по имени Кантака (его духовном наставнике), проникший в манихейскую письменную и изобразительную

Рис. 1.

Принц Бодисаттва верхом на своем белом коне по кличке Кантака.

Фрагмент стеной росписи в Кочо

(Турфан, Восточный Туркестан), IX в. Высота — 27 см

(по: Rowland B. Zentralasien. Baden-Baden, 1970)

традиции, получил свое дальнейшее развитие в XIX разделе рукописи *İrq bitig*. В этой истории конь-наставник превращается в самостоятельный персонаж, отделенный от того, кого он, по-видимому, учит и кто конкретно не поименован в тексте отрывка. Этот конь призывает его молиться и каяться, для того чтобы одолеть врага (злые силы?), и эти наставления и призывы появляются в тексте наряду с обычной для тюркской космогонии трехчастной схемой мироустройства, наглядно демонстрируя всю сложность процесса развития манихейских идей в тюркском обществе.

Таким образом, если принять предложенную мной трактовку XIX раздела рукописи *İrq bitig*, то можно обнаружить следы присутствия несомненно манихейского (лишь ретроспективно буддийского) мотива в древнетюркской «Книге предзнаменований».

- Кляшторный, 1981 — Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
- Hamilton, 1975 — Hamilton J. Le colophon de l'*İrq bitig* // *Turcica. Revue d'études turques*. 1975. T. VII.
- Gabain, 1964 — Gabain A. von. Die alttürkische Literatur // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. 1964.
- Clauson, 1961 — Clauson G. Notes on the "*İrq bitig*" // *Ural altaische Jahrbücher*. 1961. XXXIII/3-4.
- P.Zieme's review, 1984 — P.Zieme's review in "*Orientalische Literatur Zeitung*". 1984, 79/4.
- Bang, 1931 — Bang W. Manichäische Erzähler // *Le Muséon*. 1931, t. XLIV.
- Klimkeit, 1984 — Klimkeit H.-J. Das Pferd Kantaka — Symbol buddhistischer Erzähl- und Kunstelemente im zentralasiatischen Manichäismus // *Aus dem Osten des Alexanderzeits. Festschrift für Klaus Fischer*. Köln, 1984.